

18+

ЕСЛИ ПОЗВАЛА ДОРОГА

Юрий Дегтярев

Юрий Дегтярев

Если позвала дорога

«Издательские решения»

Дегтярев Ю.

Если позвала дорога / Ю. Дегтярев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531338-6

Что делать человеку, если нет работы? А та, что предлагается, в реальности означает его бесплатный труд за символическую оплату на уровне прожиточного минимума. На который даже один человек не проживёт и месяц, а у многих же есть семьи. Самели сделал свой выбор, изменивший всю его дальнейшую жизнь.

ISBN 978-5-00-531338-6

© Дегтярев Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Отъезд	6
Глава 2. Впервые в Корею	8
Глава 3. На бетонном заводе	15
Глава 4. Отдых на море	25
Глава 5. Легализация	28
Глава 6. Чусок и Сольляль	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Если позвала дорога

Юрий Дегтярев

Судьба не дело случая

Это вопрос выбора.

/Уильям Брайан/

© Юрий Дегтярев, 2021

ISBN 978-5-0053-1338-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Отъезд

Поезд отходил от вокзала, медленно набирая скорость и давая возможность попрощаться с городом. На перроне его провожали жена и её сын. Самели смотрел на них из окна вагона и на глаза наворачивались слёзы. В этот холодный февральский день, никуда не хотелось уезжать. Вчера ему удалось получить расчёт и задолженность по заработной плате за два месяца. И они, довольные полученными деньгами, уже собрались, после того как проводят его, пойти в магазин за новым пылесосом. У Самели же, на душе было тоскливо, в отличие от попутчиков, с которыми он познакомился накануне в турфирме. Все трое получили туристические визы на 15 дней в Южную Корею. И сегодня уезжали туда с расчётом, чтобы остаться там поработать. Леонид с Олей весело обсуждали предстоящее путешествие в далёкую, для всех них, страну. Его же пугала незнакомая Корея, про которую никто из них ничего не знал.

Всё-таки странно устроен человек. Ещё месяц назад, он сам принял решение поехать на заработки в другую страну, если дадут визу. Последние сомнения рассеяла Валентина – бывшая работница того же завода, где работал Самели. Теперь она работала в туристической фирме и убеждала его не бояться ехать:

– Вы не первый туда едете, там Вас встретят и устроят на работу, есть там и переводчик, проблем с незнанием языка не будет.

Ему оставалось только собрать документы и взять, где-нибудь, справку о хорошей средней заработной плате. Самели работал мастером цеха и его месячная зарплата в шесть тысяч рублей (двести долларов) гарантировала ему стопроцентный отказ в визе. Чтобы этого не произошло, в справке его зарплата должна была составлять не менее двадцати пяти тысяч рублей. Через своих знакомых он достал такую справку в частной организации, а также сделал, на всякий случай, свидетельство об окончании курсов сварщиков.

– Чем больше бумаг, тем больше гарантий, что в визе корейский консул не откажет, – напутствовала его Валентина.

Так оно и получилось, визу ему дали в числе первых. И Валентина с радостью сообщила эту весть по телефону, в тот же день. Самели же, в глубине души надеялся ещё на то, что в визе ему откажут. И тогда никуда ехать не надо будет, и уходить с работы не придётся. Он и сам не знал, чем держит его работа, на которой не платят зарплату по два, три месяца. И вместо денег давали талоны на обед в столовой, за который потом высчитывали при выдаче зарплат. Что может держать человека на такой работе? Только привычка, выработанная годами. Да и другой, хорошо оплачиваемой работы, в городе не было, кроме нефтезавода, сразу ограничившего приём на работу возрастом до сорока пяти лет. Устроиться туда можно было только по знакомству и связям, как говорится, по благу.

Чувство недовольство собой, работой и зарплатой усиливалось грязными улицами, мусором и открытым бандитизмом. Но вот наступил момент, когда всё это можно оставить и начать другую жизнь, неизвестную и непредсказуемую. Надо бы радоваться, но другой человек, сидящий внутри Самели, не хотел никак расставаться с этой убогостью и нищетой. Наверное, из-за боязни начинать всё с самого начала.

– Самели, где ты там? – Леонид уже высматривал его в проходе плацкартного вагона.

Ехать на поезде надо было до Уссурийска, куда должны были прибыть на следующий день, к четырём часам дня. Сейчас же, они сидели втроём в плацкартном вагоне, и обсуждали детали поездки.

– Самое главное, – как сказали им в турфирме, – нигде не проболтаться, что вы едете с целью поработать.

Особый упор Валентина сделала на посадке на паром:

– Там бывают корейцы, понимающие русский язык, они слушают, о чём говорят туристы, и сообщают на пограничном контроле. После такого инструктажа они почувствовали себя «шпионами», которых легально забрасывают в другую страну. Поэтому важно было продумать возможные вопросы на пограничном контроле, как на российской стороне, так и на корейской. И, соответственно, приготовить ответы заранее. Отправились налегке, как туристы, никаких громоздких и длительного пользования вещей, брать с собой не велели.

Оля и Самели работали раньше на сернокислотном заводе, но не были знакомы. Моложавая женщина, тридцати шести лет, осталась без работы. Родной их завод сделали банкротом, а в цехах появились мелкие фирмы. Если где-то ещё работали заводы в городе, то там не выплачивали зарплату по несколько месяцев или же выдавали её китайскими товарами, полученными по бартеру взамен продукции. Леонид работал на судостроительном заводе и ушёл с него на пенсию по вредному стажу, в сорок пять лет. Работа его никакая не держала, но на пенсию прожить было невозможно. Он был старше Самели на два года. Чтобы получить визу, ему пришлось ехать в корейское консульство, на собеседование. Вообще, на турфирме их обрадовали тем, что их возраст после сорока лет сейчас востребован на работу в Корею. Негромко переговариваясь, они обсудили прохождение пограничного контроля, после чего решили перекусить.

В полночь прибыли в Хабаровск, а на следующий день их встречал тёплой погодой Приморский край. В Уссурийске сели в поджидавший их на вокзале, микроавтобус. Заплатили по тысяче рублей водителю, и тот повёз путешественников по федеральной дороге в сторону Владивостока. На развилке в село Раздольное свернули направо, и через полтора часа уже въезжали в Зарубино, откуда уходил паром в Корею. В порту купили билеты, там же, в обменном пункте поменяли рубли на корейские воны. Паспортный контроль Оля с Леонидом прошли быстро, в то время как Самели томился в ожидании уже минут десять. Блондинка-пограничник продолжала задавать вопросы, разглядывая через лупу печать турфирмы.

– Как называется туристическая фирма? – спросила она наконец.

– Иста, – ответил Самели.

Оказывается, она не могла прочесть её название на круглой печати маленького диаметра, а может быть, проверяла его. После чего ещё столько же времени рассматривала весь пакет документов, подготовленный турфирмой. Наконец, как бы нехотя, поставила штамп пограничного контроля в паспорт и, глядя в лицо понимающим взглядом, пожелала ему:

– Счастливого пути.

– Спасибо, – поблагодарил Самели с облегчением.

На причале они впервые увидели морской паром, поразивший их громадными размерами и чистотой как снаружи, так и внутри. Команда парома тоже блистала безукоризненной белизной рубашек, блузок, чёрных костюмов и юбок. Всех пассажиров, поднимающихся по трапу, приветствовали с поклоном приветливо улыбающиеся корейские девушки из команды парома, одетые в белые блузки и чёрные юбки. Для Самели с Леонидом, впервые увидевших кореянок, они выглядели настоящими восточными красавицами. Безукоризненная косметика, миндалевидные глаза, блестящие чёрные волосы с аккуратными стрижками – от этих кареглазых девушек веяло ослепительной красотой и утренней свежестью. Они поднялись на верхнюю палубу, где находились их места, и поразились её размерам. Это было огромное помещение, размером с небольшой стадион, на полу которого рядами лежали корейские матрасы с валиками-подушками.

Плыть предстояло около семнадцати часов. Глубокой ночью их разбудил шум. Картина, которую увидели, потрясла их. Два корейца из команды парома, небольшого роста, привели пьяного русского в наручниках, который был на голову выше их, и уложили его на свободное место. Как выяснилось позднее, на пароме плыла команда рыболовного траулера на замену состава в порту Пусана. Новая команда, сразу после посадки, загуляла в ресторане на средней палубе, и без шумного скандала там не обошлось.

Глава 2. Впервые в Корее

К вечеру следующего дня, паром прибыл в южно-корейский порт Сокчо. Город-порт был красив и чем-то напоминал Самели Приморье, где он жил и работал одиннадцать лет после того, как закончил институт. Такие же высокие скалы, бухточки, маяки. И такая же прозрачная морская вода одного и того же моря. Незадолго до прибытия всем иностранцам раздали иммиграционные карточки для заполнения их на английском языке. Наши путешественники указали, что едут впервые, в качестве туристов. Самели с Олей указали своей профессией учителя, а Леонид – водителя. Вначале выгрузилась самая нижняя грузовая палуба – автомобили, багаж, и только после этого, пассажиры. На пограничном контроле они, как договаривались, встали к разным стойкам. Очередь везде шла быстро, не задерживая пассажиров дольше пяти минут на паспортном контроле. Самели видел, как Леонид с Олей уже прошли, перед ним же оставалось ещё три человека. Но как раз перед ним оказался тот самый русский моряк, которого ночью привели в наручниках пьяным. Он и сейчас стоял с глубокого похмелья, распространяя вокруг себя водочный перегар. У него долго проверяли паспорт, задавали много вопросов, на которые он отвечал, с трудом ворочая языком. После чего увели в иммиграционный офис, где допрашивали снова и более подробно. Его могли не пустить, несмотря на наличие визы рыбака.

Всё это время, около двадцати минут, очередь, в которой Самели стоял уже первым, не двигалась. Наконец у него взяли паспорт, он прошёл рамку металлоискателя, выложил для досмотра всё, что было в карманах, после чего ему велели проходить на санитарный контроль. Проверив содержимое сумки, таможенник ничего недозволенного не обнаружил. Сверху лежали два литра водки в бутылках, это разрешалось. А продукты, которые оставались, Самели выбросил в море ещё на пароме, чтобы не было вопросов.

Вздыхнув с облегчением, двинулся на выход в пассажирский терминал, где его поджидали друзья, вместе с встретившим их переводчиком Александром.

– Где так долго был? – напустились они на него, – мы уже хотели уезжать, решив, что тебя не пропустили.

Самели рассказал о причине задержки по дороге, к ожидавшему их, корейскому микроавтобусу. Это был красивый белый минивэн, каких в России ещё не было. Александр познакомил их с водителем Аликом, дополнив информацией, что он будет в дальнейшем трудоустраивать их, если они захотят поменять работу. От Сокчо ехали долго, около четырёх часов. Останавливались лишь один раз, чтобы пообедать в столовой, по-корейски шиктане. Ехали по национальной дороге, соответствующей всем международным стандартам.

Всего один раз встретили пост сотрудников Государственной Автоинспекции, а приятное впечатление осталось на всю жизнь. Постовой в парадной форме и белых перчатках отдавал честь всем проезжающим, вызывая тем самым взаимное уважение. Надо сказать, что с самого начала, ступив на корейскую землю, друзья были просто поражены дружелюбием и гостеприимством всех повстречавшихся корейцев. Совершенно незнакомые люди здоровались с ними, приветливо улыбаясь при этом, хотя никого из них не знали. Уже от одного этого на сердце каждого из них становилось тепло.

Они и позже, уже работая в Корее, убеждались не раз, что гостеприимство и дружелюбие в этой стране не показное, а врождённое, присущее корейцам. Взаимоотношения между людьми в Корее основывались на конфуцианской модели поведения человека. Поэтому одним из первых вопросов при знакомстве чаще всего звучит:

– Сколько Вам лет?

И только узнав ваш возраст, корейцы выстраивают отношения с вами, которые регулируются несколькими степенями вежливости, в зависимости от вашего возраста и занимае-

мого служебного и социального положения. В дороге переводчик Александр рассказывал им про работу в Корее. За трудоустройство они должны были заплатить ему по сто долларов. Если работа кого-то из них чем-то не будет устраивать, он может поменять её бесплатно ещё, но не более двух раз. По дороге заехали ещё за одним туристом, приехавшим неделей раньше и успевшим поработать токарем на заводе. Чем-то он не устроил корейцев, и они попросили Александра заменить его.

Наши путники попросили Николая, так его звали, рассказать о своей работе на корейском заводе. Николай прилетел самолётом из Хабаровска, на вид ему было лет шестьдесят. В Хабаровске проработал всю жизнь токарем на заводе и стал профессионалом в своей работе, какими гордились в советские времена. Портреты таких профессионалов постоянно висели в те времена, на заводских и городских досках почёта. Когда перестали платить зарплату, отправился на заработки в Корею. Ему повезло устроиться по специальности, и всё было хорошо. Работал быстро и хорошо. Но врождённая любознательность не давала ему покоя:

– Сколько бы я не сделал, мне говорили, что давай ещё и ещё. Я пытался узнать, какой план выработки на смену, сколько деталей должен сделать, но корейцы лишь улыбались в ответ. Но стоило мне перестать работать, чтобы отдохнуть, как ко мне тут же подходил бригадир и говорил, что надо работать. Как-то раз по заводу прошла комиссия из начальства и после неё меня решили убрать.

Ни Николай, ни наши путники не знали капиталистическую систему работу в Корее и мыслили своими, советскими критериями работы, которые капиталистами были доведены до полного совершенства. И в первую очередь поражала почти полная механизация и автоматизация производственных циклов и процессов. Станочное оборудование давно уже работало с программным управлением, человеку оставалось лишь нажимать кнопки, задавая нужную программу и отслеживать рабочий процесс. Прекрасными были и условия труда! Завтрак, обед и ужин в рабочие дни были бесплатными, за счёт предприятия. Плюс ещё и полдник, когда тебе дают булочку с молоком, как было в пионерских лагерях, в советские времена. Проживание тоже было за счёт предприятия. Из зарплаты работников эти расходы не высчитывались. А сама зарплата устанавливалась в соответствии с международными нормами, позволяющими достойно жить не только работнику, но и всей его семье.

Об этом они все только мечтали, ощутив только малую часть этого в советские времена и потеряв всё в 90-е годы уходящего века. Но и требования в такой системе были высокие. План, конечно же, просчитывался вплоть до каждой смены. Но за основу брался заказ, который нужно было выполнить в установленные сроки. А если удавалось выполнить заказ раньше, то все работники получали вознаграждение в виде премий и бонусов. Поэтому каждая минута рабочего времени должна была тратиться на работу. Отдыха же предоставлялось достаточно в течение всего рабочего дня. Первым был тайм-кофе, буквально через два часа после начала работы, продолжительностью 15—20 минут, когда можно выпить кофе с булочкой, перекурить, сходить в туалет. Обед ровно час, с 12 до 13. В три часа опять 15—20 минут отдыха, это полдник. А в пять часов наступает ужин на 30—40 минут перерыва в работе. Двенадцати часовой рабочий день проходит так быстро, что не замечаешь время. Суббота и воскресенье, как правило, выходные дни. Но работа всегда предлагается и в эти дни. Кто желает, может поработать, обязанности нет. Рабочий день будет укороченным, а заработная плата в двойном размере.

Даже работая в будние дни, тариф оплаты меняется. После пяти часов вечера он идёт уже в полуторном размере. Если же остаёшься работать после смены на пару часов, а такое бывает часто, то тариф оплаты идёт уже двойной. С десяти вечера и до шести часов утра насчитываются дополнительно, ночные часы по полуторному тарифу. Подоходный налог с заработной платы работников дифференцированный в зависимости от получаемой суммы, и составляет от 6% до 38%. С минимальной зарплаты берётся минимальный налог. Система оплаты, в общем-то, почти не отличалась от советской системы. Кроме слова почти, означающего

огромную разницу в тарифах и периодическим повышением норм выработки продукции и снижением тарифов в советской системе оплаты труда. Плюс, фиксированный подоходный налог 13% с заработной платы физических лиц.

Приехали на коровник, где переводчик предложил одному из них остаться здесь работать. Но все отказались, желая устроиться на завод. Это считался первый отказ от работы, потому что деньги за трудоустройство они уже отдали. Следующим местом работы, куда Алик привёз их, был автомобильный завод «Хёндэй». Они были поражены чистотой и красотой вокруг! Вся территория, прилегающая к заводу, напоминала больше ухоженный и облагороженный парк эпохи Екатерины второй. Фигурная стрижка каждого деревца, чистота и свежий воздух – таких заводов в России, даже по телевизору никто из них не видел. Удивляться им пришлось и далее, когда зашли на завод. Нигде они не увидели ни одного стула или скамейки:

– Как же они отдыхают? – озадачено спросили у Александра. – Лежат на полу, а полы у них с подогревом, тёплые.

Встретивший их корейский руководитель производства, пригласил в цех, в котором рядами стояло непрерывно работающее оборудование. Подошли к сварочным полуавтоматам. То, что они увидели, показалось им высшим классом! Один рабочий успевал работать на трёх сварочных полуавтоматах! Он работал непрерывно. Это было похоже на выступление жонглёра в цирке! Их подвели к другой группе полуавтоматов. Здесь было ещё сложнее. Такие же сварочные полуавтоматы замыкал в технологическую цепочку промышленный компьютер. После чего предложили желающим рабочие места на увиденных ими, участках. Никто из четверых не был готов работать на сварочных полуавтоматах, это было слишком сложно и напряжённо. Леонид, заинтересовавшись, задал несколько вопросов. Алик объяснил ему процесс работы и предложил остаться здесь. Никто настойчиво не уговаривал их, предоставляя полную свободу выбора. Вышли из цеха, направляясь к микроавтобусу в сопровождении корейского руководителя производства. Самели тоже колебался, и когда подошли к автомобилю, обратился к Леониду:

– Лёня, давай останемся здесь. Ещё неизвестно, какое будет третье место работы, вдруг ещё хуже, чем здесь?

Леонид задумался, а корейский начальник и подошедший, видимо мастер, с интересом вслушивались в их разговор, догадываясь, что речь идёт о работе на заводе. Поколебавшись, Леонид согласился. Переводчик Александр сказал об их согласии корейцам, те обрадовались и о чём-то переговорили с Александром. После чего им велели садиться тоже в микроавтобус. По пути завезли их в нежилой частный дом, который станет теперь их жильём. Оставили там вещи и поехали в офис компании, находящийся в городе. Всё трудоустройство по приезду в него, заняло не более десяти минут.

Сняли ксерокопии паспортов и выдали спецодежду. После этого начальник офиса, которого Александр рекомендовал называть саджанином, повёз их в шиктан. Алик с людьми, ещё раньше уехал на микроавтобусе. В дальнейшем, Самели с Леонидом часто приходилось кушать в шиктанах, и всегда их поражали простые вещи, которые частично были и в столовых Советского Союза. На столе у корейцев обязательно стоят баночки с солью и перцем и салфетница – красивая коробочка с само вытаскивающимися салфетками. Если попросишь, принесут уксус. Обязательным атрибутом на столе была кимчхи – корейская квашеная капуста, очень острая от красного перца. Её надо кушать с варёным рисом.

Все эти блюда всегда стоят на столах в шиктанах, для общего пользования, совершенно бесплатно, как было и в Советском Союзе. И это поражало, потому что им всю жизнь внушали, начиная со школы, что у капиталистов всё направлено только на эксплуатацию человека, работающего у них чуть ли не бесплатно, за маленькую заработную плату, на которую не проживёшь. И что ничего бесплатного у капитализма нет, а общественного транспорта там нет вообще.

Поэтому, делая для себя такие приятные открытия на пятом десятке лет, начинаешь переосмысливать всю свою жизнь. В блюдах корейской кухни преобладают растительные продукты натурального происхождения, но много и мясных и рыбных блюд. Насыщенность пищи полезными витаминами в зелени и салатах, продуманным и сбалансированным питанием, не даёт человеку переедания, ощущаешь сытость и в то же время лёгкость в теле. В каждом шиктане установлены деспенсеры с бутылками холодной воды, добытой из подземных скважин. Вода очень вкусная, ею же запивают и варёный рис с кимчхи после обеда. А огромные цветные телевизоры с яркими и насыщенными красками изображений спутникового цифрового телевидения создают ощущение домашнего уюта.

Заказ ожидаешь, сидя за столиком, обслуживание оставляет самое приятное чувство благодарности и уважения к обслуживающему персоналу. Обычно не ждёшь больше пяти минут любое заказанное блюдо, подают его всегда горячим, только что сваренным. Разогреть в микроволновках ранее приготовленные блюда, тем более вчерашние, и подавать их в шиктанах, никому и в голову не придёт в Корее, в отличие от российских столовых. Единственным исключением является работа в ночную смену, когда сваренный ужин привозится заранее, вечером. И ночью, в обеденный перерыв, рабочие лишь разогревают первые блюда в микроволновках, но чаще даже, на электроплитках. Сваренный же рис, постоянно стоит на подогреве в рисоварке, и поэтому всегда горячий.

Стоял конец февраля. В последний его день, рано утром, Самели с Леонидом шли на работу по замёрзшей земле, местами покрытой тонкой корочкой льда. Снега уже не было, а в воздухе ощущалось приближение весны. Наступил их первый рабочий день в Корее, на автомобильном заводе «Хёндэй». Впервые в жизни они будут работать по капиталистической, конвейерной системе производства, описанной в книге американского писателя Артура Хейли «Колёса». Бригадир, по-корейски паджаним, расставил их по сварочным полуавтоматам. Леонида первым подвёл к тем, что с компьютером. Показал несколько раз, как надо работать, Леонид повторил, и он остался доволен. Потом, точно также, показал работу Самели, у него тоже получилось, и бригадир показал ему, где лежат детали на сварку.

Обучение заняло не более двадцати минут. Всё это время бригадир находился рядом с ними, смотрел и показывал раз за разом, если они пропускали какую-то операцию. Требовалось работать быстро. Сначала надо было поставить четыре пластины в первый полуавтомат, нажать кнопку «включить», и пока детали сваривались, на третьем полуавтомате пора было вытаскивать весь свариваемый узел – каркас сиденья на легковые автомобили. После этого со второго полуавтомата надо было вытаскивать сваренный, уже со второй стороны, узел и ставить его на третий. За это время первый полуавтомат заканчивал сварку, и детали переставлялись на второй полуавтомат.

И так непрерывно по кругу. Работать необходимо было так, чтобы процесс шёл непрерывно. И тогда каждое, свариваемое точечной сваркой сиденье, выходило почти каждую минуту, на завершающую технологическую операцию – ручную электродуговую сварку.

Бригадир первые дни находился всегда неподалёку от новичков, наблюдая за их работой. При том, что у него была и своя работа в этой технологической цепочке. Любая остановка процесса, возникающая из-за медленной работы Самели или Леонида, тут же устранялась бригадиром. Он терпеливо показывал уже, не как надо работать, а как требуется быстро работать, чтобы технологический процесс не прерывался. В десять часов наступил утренний тайм-кофе.

Самели с Леонидом смотрели, как корейцы бросают монеты в автомат, а тот выдавал им горячий кофе в бумажных стаканчиках. У них не было монет по сто корейских вон, что соответствовало, примерно десяти центам американского доллара. А выпить такой кофе очень хотелось. Подошедший бригадир купил себе баночный кофе с молоком и, с улыбкой, глядя на них, спросил:

– Какой кофе хотите? – и для ясности указал рукой на витрину.

Они были очень благодарны за его понимание и искреннее желание угостить их корейским кофе. Леонид выбрал кофе в стаканчике, а Самели указал на баночное кофе, такое же, как у бригадира. Паджаним не ожидал, что Самели запросит баночное кофе, стоившее пятьсот корейских вон, в пять раз больше, чем в стаканчике. Но понимая, что сам пообещал им на выбор, отказывать не стал.

Достал купюру в тысячу вон и купил им кофе. Они горячо поблагодарили его за щедрое угощение и все вместе вышли на улицу. Все рабочие уже находились там, на зелёных лужайках в окружении молодых сосен. И почти все были с сотовыми телефонами в руках.

У Самели с Леонидом ещё не было телефонов, а позвонить домой очень хотелось. С момента отъезда и до первого рабочего дня прошла уже неделя, а они не могли сообщить домой о себе. И сейчас решили попросить у кого-нибудь из иностранных рабочих телефон, чтобы сделать один звонок. У корейцев уже было неудобно просить после бесплатного кофе. Подошли к африканскому мигранту, который как раз закончил разговор по телефону.

– Можно, мы позвоним по Вашему телефону? – спросил Самели, назвав лишь два слова по-корейски – хендепон и чиб (телефон и дом) и дополнил их жестом руки, приложив её к своему уху и показывая на его телефон. Но африканец, выслушав их и кивнув головой, что понял, ответил одним словом, указывая на свой телефон:

– Тон (деньги).

Это слово они уже знали и поняли, что денег на телефоне у него мало или уже закончились. Больше ни у кого не стали просить, понимая, что тратить на них свои деньги на телефоне, никто не будет. Для себя же твёрдо решили – в первый же выходной день купить один телефон на двоих. Через пятнадцать минут работа продолжилась.

А ровно в двенадцать часов, громкий рёв сирены, перекрывший заводской шум и напугавший Самели с Леонидом, известил об обеденном часовом перерыве. В заводском шиктане меню всегда продумано диетологом, очень много зелени, салатов, овощей и фруктов. Каждый день разнообразие мясных и рыбных блюд. Бери, что хочешь и сколько хочешь, но чтобы обязательно съел. За этим следила милая девушка в белом халате, сидящая за общим столом у выхода. Самели с Лёней этого не знали. И когда, не съев и половины того что набрал, Лёня с подносом, полным еды, пошёл выбрасывать её в бак пищевых отходов, она тут же подошла к нему. Начала недовольным тоном выговаривать, показывая на большое количество оставшейся пищи у него. Лёня же, есть хотел и набрал много еды. Но она оказалась для него слишком острая, поэтому осталось много. Объяснить этого не мог, хотя то, что она выговаривала, было нетрудно понять, даже не зная корейского языка. Одно они поняли – то, что можно было дома, в столовых, здесь не пройдёт. Работа у всех была тяжёлая и поэтому все должны хорошо кушать. Если будешь плохо кушать, тебя будут считать больным, а значит неспособным выполнять физическую работу. Так считают корейцы.

Они даже после приветствия спрашивают:

– Хорошо покушал?

Или:

– Рис кушал?

Если кушал, значит, ты здоров, а это главное. Лёня и в последующие дни не съедал много острой пищи, которая вся была перчённая. Но перед тем как пойти и выбросить остатки еды, оглядывался по сторонам и, не увидев девушку в халате, чуть ли не бегом нёсся с подносом к бачку. Но она, как будто следила за ним в камеру, и выходила ему навстречу у самого бачка. В общем, ещё пару дней Лёне пришлось оправдываться перед девушкой-диетологом на русском языке, пока он и Самели, не запомнили, какие блюда очень острые. И старались их не брать совсем, как Лёня, или понемногу, как Самели.

Частный дом, в котором они жили, находился недалеко от завода, что было очень удобно. В доме была кухня, но они ничего не варили, а где кушать в выходные дни, ещё не знали.

Поэтому покупали корейскую лапшу в тетра-пакетах – рамён, как её называли корейцы. Заваривали кипятком и через пять минут кушали горячую и вкусную лапшу. В этот выходной, они отправились в Тумпо, за покупкой телефона. Дождавшись проходящего автобуса, сели и минут через десять вышли на центральной улице Тумпо. Быстро нашли салон связи, блистающий огромными стеклянными витринами на улице.

Продавец была занята обслуживанием единственного покупателя, оказавшегося узбеком. Он поздоровался с вошедшими русскими, продолжая рассматривать предлагаемый девушкой, телефон. Они обрадовались, что встретили человека, который поможет выбрать им телефон. А тот, вдруг увидел кого-то на улице через витрину и, бросив телефон на прилавок и ничего не сказав, выбежал из салона-магазина. Девушка ничего не понимала, а друзей охватил страх:

– Наверное, облава на нелегалов и его предупредили, – решили они. Но бежать им, в любом случае, было уже поздно. И они остались в салоне, с беспокойством оглядываясь на дверь. Но никто не заходил, на улице было тоже спокойно. Продавец обратилась к ним:

– Что они хотят купить?

– Мы хотим недорогой телефон, бывший в употреблении, – ответил Самели набором слов, которые знал.

Она поняла их желание и достала коробку с телефоном. Вместе с зарядным устройством и запасной батареей он стоил шестьдесят тысяч вон (около \$60). Корейские деньги у них были ещё те, что поменяли перед посадкой на паром. Купили и карту для международных звонков, одну на двоих. Поблагодарив за покупку, продавец вручила им коробку. И в это время вернулся узбек. Оказывается, он увидел земляка, проходящего мимо салона связи, и поэтому выбежал.

Успокоенные друзья попрощались с узбеком и поехали домой, в свой дом проживания. Остальных рабочих-мигрантов возили на автобусе с работы и на работу. Киргизка, работавшая в бригаде вместе с Самели, сказала, что они проживают в квартирах, которые называют апатами. И что есть свободные квартиры. Лёня с Самели загорелись переехать в апаты, где жили мигранты. Разработали план переезда.

С вечера собрали свои сумки с вещами, а рано утром, до приезда автобуса с рабочими, пришли на работу и положили сумки в бытовом помещении-раздевалке. А после работы, забрав их, уселись в автобус. Но корейский начальник, который смотрел за отправкой автобуса, велел им выйти и стал кому-то звонить по сотовому телефону. Они не стали выходить и автобус поехал. Но проезжая рядом с их домом, водитель остановил автобус и попросил выйти, показав на их дом. Попытка не удалась, и они решили действовать по-другому.

В выходной день, забрав сумки с вещами, вышли на автостраду. Дождавшись проезжающего такси, проголосовали, такси остановилось. Водитель спросил адрес, куда им надо ехать. Киргизка называла им район проживания как монинг бил апаты. Они думали, что этого будет достаточно для водителя такси, и он быстро найдёт эти апаты. Но водитель просил точный адрес, который они не знали.

Тогда он начал куда-то звонить и они испугались. Вдруг вызовет сейчас полицию и их могут тогда депортировать. Но водитель, дозвонившись, протянул им свой телефон. Они услышали русскую речь представившегося переводчика, который объяснил им, что монинг бил – это не адрес, а просто группа домов, построенная компанией.

И что таких мест по стране много. Надо называть географический адрес – провинцию, уезд, населённый пункт, улицу и номер дома. Расстроенные, они поблагодарили переводчика, потом водителя и вернулись в свой дом. Так провалилась вторая попытка переезда. Тогда они решили воспользоваться своим правом бесплатного трудоустройства на другой завод, если первый завод, за трудоустройство на который они заплатили деньги, их не устраивает.

Им можно было ещё один раз менять работу без оплаты за услуги. Позвонили по купленному ими сотовому телефону, одному на двоих, узбеку Алику, который привёз их сюда вместе с Александром. Попросили его устроить на другой завод, где есть русские рабочие. Вечером

Алик приехал и стал уговаривать, чтобы они остались на автомобильном заводе. Они не соглашались. Алик попросил их подумать и уехал. Самели с Леонидом работали уже восемнадцать дней, втянулись в работу, вот только жилищные условия их не устраивали. А в апаты, куда они просились, Алик сказал, что это невозможно.

И на следующий день они вновь, как обычно, пошли на работу. На работе у них сложилась интернациональная бригада. Самели находился в начале технологического процесса. Он брал заготовки-пластины и сваривал их последовательно, на трёх сварочных полуавтоматах методом контактной сварки. Электросварщик из Миньярмы (бывшая Бирма), проваривал его конструкцию ручной электродуговой сваркой. Далее китайка проверяла сваренную конструкцию на станке и доводила формы. А киргизка укладывала готовую продукцию – каркасы передних сидений для легковых автомобилей.

Его с Лёней поразило то, что каркасы сидений делались из нержавеющей трубок. Как-то раз электросварщик из Миньярмы сварил не так, как надо было. Получился брак и он попросил Самели отнести эту заготовку на склад так, чтобы не видел контролёр. Самели выполнил его просьбу. Не прошло и полчаса, как к ним пришёл улыбающийся и всё понимающий кореец-контролёр, следящий за качеством продукции. В руках он держал заготовку, которую относил Самели.

Обращаясь ко всем, спросил:

– Кто сделал брак?

Никто не признавался. Кореец-контролёр догадывался, что брак сделали иностранцы и на какой стадии сварки его сделали. А какой именно электросварщик, он не знал, их было несколько человек на таких же, одинаковых участках. Точно также делал каркасы сидений и Лёня со своей интернациональной бригадой. В общем, никто не сдал электросварщика из Миньярмы, и контролёр ушёл ни с чем, всё также улыбаясь. Он даже не повышал голос и не ругался. Такая вот, хорошая рабочая этика у корейцев. Тогда они с Лёней ещё не знали, что за каждый брак, сделанный рабочим, с него высчитывалась стоимость бракованного изделия. Поэтому никто не хотел признаваться в сделанном браке.

Глава 3. На бетонном заводе

Самели с Лёней думали недолго по совету Алика. На следующий день они позвонили Александру переводчику, объяснили жилищную ситуацию и попросили другую работу, где есть русские мигранты. Он пообещал переговорить с Аликом. После обеда позвонил Алик и предложил им работу на бетонном заводе, но сразу предупредил, что работать там намного тяжелее, чем на автомобильном.

Зато там много русских и узбеков. Их это устраивало и в тот же день, вечером, Алик перевёз их на бетонный завод, поселив в общежитие, по-корейски кисукса. Бетонный завод представлялся им таким же, как в России – цементная пыль, пролитый на полу раствор, кругом грязь. Но то, что они увидели, перечёркивало все их представления. Чистота как вокруг завода, так и внутри. Не было даже дорожной пыли на траве, деревьях у самого завода.

Цемент возят в огромных и закрытых цементовозах. Песок и щебень возят на большегрузных самосвалах с автоматически закрывающимися сверху специальными бортами. Ни один камешек не падает на дорогу. Машины не загружают с верхом, как в России. В Корее экологии придают первостепенное значение. Это главный фактор существования человеческого общества в гармонии с природой. Каково же было их ещё большее удивление, когда в процессе работы, узнали и посмотрели сами, как компьютер управляет технологическим процессом создания раствора с его полным циклом, до выхода готового бетонного раствора нужной крепости. А ведь сам раствор – это смесь пяти компонентов: щебня, песка, цемента, воды и реагента. И всю эту смесь через автоматические дозаторы готовит компьютер. Оператор лишь контролирует процесс, чтобы не было никакого сбоя в работе. А какие столбы выходят из такого раствора!

Это были сейсмоустойчивые бетонные столбы под строительство высотных домов в зонах возможных землетрясений. Дома, построенные на этих фундаментных столбах, способны выдержать землетрясения. Завод производил такие столбы круглосуточно, в две смены, прихватывая ещё и выходные дни, чтобы быстрее выполнить заказ. Все рабочие трудились также усердно, как во время войны с Германией, в Советском Союзе люди производили снаряды и патроны. В то время, за такой труд многие рабочие позже получали звания Героев социалистического труда. Все корейцы, на их взгляд, работая по шестнадцать часов в сутки, были достойны такой же награды. А никакой войны не было, делали просто столбы.

Друзья старались не отставать от корейцев. Отработав двенадцать часов в смене, они оставались на овертайм по два, а то и четыре часа дополнительной работы. Самели работал на участке укладки бетонного раствора в формы, медленнодвигающиеся на тележках. Бригадир – оператор управлял процессом, регулируя скорость движения тележки и выгрузку раствора, приготовленного с помощью компьютера. Работать требовалось быстро, при этом надо было успеть выбить крючком мелкие камешки раствора, попадающие в отверстия для болтов, соединяющих форму с её крышкой.

И успеть надо было, ещё веником смести раствор, попадающий на плоскость разъёма форм. Поэтому у каждого из работников было при себе три инструмента – лопатка штыковая, веник обыкновенный и крючок. И всё это должно было работать в обеих руках. Они клали веник в жёлоб тележки, куда сметали остатки раствора, и работали лопатками, укладывая раствор. Крючки держали в карманах брюк.

После укладки сметали веником раствор с разъёма форм, а крючком выбивали камешки из болтовых отверстий. Всё это продельвалось на ходу, при движении тележки, потому что раствор в форму подавался непрерывно. Корейцы успевали всё делать быстро в отличие от иностранных рабочих. У них же, то веник уедет с тележкой, то лопата, и за ними нужно было бежать назад. То крючком долго выбивали застрявший в отверстиях камешек, а кореец – напар-

ник, с другой стороны ждёт, чтобы вместе, двумя лопатами, разложить раствор в конце формы. А оператор не ждёт, загоняет под загрузку раствором вторую форму, для следующей пары рабочих.

Было тяжело работать, но ещё тяжелей было работать быстро, как требовалось производственным циклом. Но корейцы в бригаде с пониманием относились к иностранцам, не уставая по несколько раз показывать правильные приёмы быстрой работы. Ругались редко, а всё ругательство у них состояло из одного слова – щибаль, которое они произносили снисходительно, как детям, и с улыбкой. Что совсем не походило на ругань в русском представлении. Самели наивно думал вначале, что у него самая тяжёлая работа. Позже выяснилось, что это самая лёгкая работа на заводе и многие узбеки стремились попасть именно на этот участок, на лопату, как они называли его.

Дав мигрантам время для освоения этой работы, через неделю их ставили, по очереди, на следующую технологическую операцию, после лопаты. Готовые формы закрывались крышкой с помощью крана и им же переносились на движущийся роликовый конвейер. Где двое рабочих, по одному с каждой стороны, одновременно закручивали болты на формах. За минуту, пока форма проходит по конвейеру, каждому из них надо было закрутить по шестьдесят шесть болтов с помощью пневмогай-ковёрта, весом четырнадцать килограмм. Пневмогайковёрт выглядел как пневмомолоток – все так и называли его, молотком. И так двенадцать часов.

После первой, такой смены, у Самели не желали разгибаться пальцы рук, оставаясь полусогнутыми. Из-за этого, утром следующего дня, он сильно порезал палец. Хотел взять станок для бритья, а пальцы не слушались, не согнулись и один палец попал на лезвие бритвы. Надо идти на работу, а кровь ручьём идёт из пальца. Кое-как забинтовал и пошёл. Было тяжело работать в этот день. Но и в дальнейшем, когда приходилось работать пневмомолотком, пальцы у него не выпрямлялись до конца. И не только у него так было.

Боялись, что такими они останутся. И в выходной день Самели вместе с ребятами из Находки – Сашей и Игорем – зашли в аптеку и, показывая фармацевту свои согнутые пальцы на руках, говорили лишь одну фразу:

– Апо. Як иссымника? (Больно. Лекарство есть?)

Удивлённый аптекарь смотрел на их вытянутые руки и отрицательно качал головой, добавляя по-корейски:

– Анимнида (нет).

И в какую-бы аптеку не заходили, им ничем не могли помочь. Предлагали лишь разогревающие мази, которые они и набрали. Но они не помогали. Руки по вечерам, когда ложились спать, просто гудели как электрические провода высокого напряжения. Хорошо, что на «молотке» они менялись каждую неделю. А после закрутки болтов, надо было ещё, с торца формы поставить и закрутить массивную и тяжёлую гайку, весом около восьми килограмм. Гайка была с мелкой резьбой, и трудно было попадать на шаг резьбы, чтобы её закрутить. И всё это время приходилось держать гайку на весу, двумя руками. Через месяц такой работы пальцы у многих из них уже не разгибались, оставаясь в согнутом положении. А их попытки, силой разогнуть пальцы вызывало сильную боль, а пальцы снова сгибались.

В этот трудный для них период, директор завода преподнёс им приятный подарок – через переводчика выдал каждому из них красивые билеты в банно-оздоровительный комплекс с саунами, стоимостью 25000 вон (около \$25). Директор хотел, чтобы они познакомились с корейскими банями. Они все были рады такому подарку и в первое же воскресенье решили сходить в баню, надеясь, что в парной пальцы хорошо прогреются и восстановятся.

Саша из Находки оказался заядлым банщиком и решил нарвать веток на веник. Но берёзок вокруг кисуксы не было вообще, а за дубовыми ветками надо было идти вглубь леса. И он нарвал с первого попавшегося дерева, оказавшегося черёмухой. Веник получился очень запа-

шистым! Но когда они стали проходить турникет, Сашу с веником остановила девушка-контролёр. Жестом предложила ему оставить веник в пластмассовой корзине для зонтов, стоящей рядом с ней. Он же замотал головой, показывая, что возьмёт его с собой.

Удивлённая кореянка спросила:

– Что это такое? – показывая рукой на веник.

– Веник, – по-русски ответил Саша и, поясняя сказанное, стал хлопать себя веником по спине. Она от неожиданности рассмеялась и пропустила его с веником, так и не поняв, для чего нужен русскому веник. В Корее не заведено париться веником. В каждой бане имеются по несколько саун с сухим паром и мокрым. Диапазон температур доходит до 100 и более градусов. И веник там не нужен совсем. А когда получали от банщика ключики от шкафчиков с одеждой, то он неодобрительно посмотрел на веник и сказал одно слово:

– Чонсу (уборка).

Саша постучал себя в грудь кулаком, заверяя банщика, что сам уберёт листья в сауне после того, как напарится. Баня поразила их всех! Снаружи она выглядела красивым дворцом с площадью и фонтаном. На первом этаже они сняли обувь, поставив её в шкафчики с прозрачными дверцами. А на банной стойке получили из рук девушки-администратора банный комплект белья – светло-коричневые шорты и футболки. Выйдя в огромное фойе первого этажа, с расположенными в нём рядами массажных кресел и бутиками с банно-туалетными принадлежностями, они по широкой лестнице, застеленной коврами дорожками, поднялись на второй этаж.

Отдали банщику, сидевшему за стойкой, ключики от шкафчиков с обувью и получили взамен магнитные ключики от шкафчиков с одеждой. Они рядами стояли, с широкими проходами между собой, на ковровых дорожках. Раздевшись и надев на руки магнитные ключики, прошли в банное помещение. Перед входом в него, слева и справа стопками лежали чистые полотенца и мочалки. На полу справа стояли весы, на которых они взвесились. А с левой стороны был целый туалетный зал с фенами, расчёсками, лосьонами и кремами.

Банное помещение оказалось огромным залом с большим количеством саун, бассейнов с холодной и горячей водой и бассейна-джакузи. А прямо перед ними справа, прямо и слева были оборудованы моечные места с душем и мылом. Саша взял пластмассовый тазик и запарил веник. После чего они прошли в первую сауну и обомлели! На устланных махровыми полотенцами полках сидели корейцы и смотрели телевизор, установленный в сауне, где температура достигала 95 градусов!

Их удивлению не было предела!

После сауны окунулись в бассейн с холодной водой, потом с горячей в джакузи, где на их спины с боков и на ноги снизу, били струи воздуха под давлением. Потом вышли наружу, где находились ещё два больших бассейна с горячей и холодной водой. В полном восторге пошли на второй заход во вторую сауну – она считалась мокрой и была похожа на русскую баню. Влага стекала по горячим стенам, усиливая жар внутри сауны. Температура была меньше, но жар чувствовался сильнее, за счёт влажного пара. На третий заход пошли в третью сауну, тоже с сухим паром, но с травяными мешочками, развешанными на её стенах. А в ней, уже во всю, парился веником Саша!

Черёмуха очень нежная, поэтому листья на венике сразу повисли после запаривания, как варёные. Но Саша парился с удовольствием, подкидывая водички на горячие камни. Они тоже попробовали париться, но эффекта уже не было. Веник был без листьев, облетевшие, лежали они на полу. Саша убрал их сразу, как и обещал. В сауне пальцы у них отошли, стали разгибаться и не болели. И они решили каждую неделю ходить в баню. А Саша ещё и в будние дни, разогревал руки после работы в горячих ванночках, придуманных им. Спасибо директору за такой бесценный подарок для здоровья!

После такой бани неделю работы можно было выдержать легко. К следующему походу в баню Самели купил разовый плёночный фотоаппарат и сфотографировал в бане всё, что можно, даже себя в сауне.

У Лёни тоже работа была нелёгкая. Его поставили на участок сборки арматурных сеток, которые потом укладывались внутрь форм столбов. Сами сетки выбрасывались в готовом виде, из станка с программным управлением, с которым легко справлялась китайская девушка. Лёне оставалось только поставить фланцы с торцов сеток и закрутить их болтами при помощи пневмогайковёрта. Работа была постоянно в наклон или сидя на корточках, а работать надо было тоже быстро, сетки из станка вылетали одна за другой, непрерывно. Через неделю такой работы Лёня стал уговаривать Самели на отъезд:

– Я больше не могу, признался ему, – в России так не уставал за месяц, как здесь за неделю. Бросим такую работу, поедem домой.

– Лёня, у меня такое же состояние, – грустно отвечал ему Самели, – пальцы не разгибаются, спина и руки болят. Давай потерпим, и билеты отработаем, не с пустыми же руками возвращаться.

– Хорошо, давай этот месяц отработаем, – немного подумав, с неохотой согласился он.

Они шли на работу ранним утром и, разговаривая, вселяли в себя надежду, что этот каторжный труд скоро закончится. Но постепенно втянулись и в этот тяжёлый труд. И хотя всё тело и руки уставали также и болели, работа стала для них привычной. А идя по утрам на работу, стали уже замечать красоту горной дороги, разрубившей непроходимую тайгу на склоне сопки. Очень удивились, когда впервые увидели диких коз, переходящих дорогу прямо перед ними.

Животные не боялись человека! И это не в заповеднике, где они охраняются, а буквально в окрестностях бетонного завода! В другой раз над ними, очень низко пролетели два жирных фазана с красно-синими головами и длинными хвостами. А однажды, вместе с ними на работу бежал по бетонному лотку для дождевых стоков с дороги, маленький зайчик. Видно, забежал в лоток где-то внизу, а выбраться не смог. Самели с Лёней хотели помочь ему, но зайчик поскакал по лотку, поднимающемуся вместе с дорогой вверх. Так он и добежал с ними до самого завода. Наверху зайчик выкарабкался из канавы и убежал в лес. Корейцы бережно относятся к окружающему их, природному миру, считая себя его неотъемлемой частью.

Такое же отношение наблюдал Самели у всех азиатов, с которыми пришлось ему в дальнейшем работать вместе. В выходные дни друзья спускались по горной дороге в село, которое больше походило на небольшой город. В нём находился даже банк! Но они ещё не знали этого, а корейские деньги кончались. У Самели оставалось триста долларов, и он хотел разменять сто долларов. Как-то Гриша, приехавший в Корею из Новочеркасска, предложил ему поехать в выходной день в Тумпо. Там он знал банк, в котором можно было разменять доллары. Стройный светловолосый парень, приехавший из Краснодара, вызывал симпатию. Рассказал свою историю, как впервые поехал на заработки за границу, в Аргентину. Почему поехал туда, он и сам не знал. В девяностые годы многие мечтали уехать в любую страну на заработки. Так Гриша оказался в одной из беднейших стран Латинской Америки, где своих безработных было полно.

– Естественно, – рассказывал он, – для меня работы нигде не нашлось, несмотря на то, что был квалифицированным сварщиком. С месяц помывкался, деньги заканчивались, я переселился уже на свалку. Осознав своё безвыходное положение с работой, вернулся домой. Вторую попытку повторил, обратившись в турфирму. Так я оказался в Корее, – закончил рассказ Гриша.

Лёня не захотел ехать, и они отправились в субботу вдвоём. Спустившись в село, сели на проходящий автобус и минут через двадцать были в Тумпо. Широко открытыми глазами, разглядывал Самели чистые улицы и красочные дома на них. Не было ни одного одинакового

дома и почти каждый, чем-то был украшен. От площади, где они вышли из автобуса, расходились две улицы в направлении банка. На одной из них, у первого же дома, стояли большие цветочные венки. У Самели такие венки вызвали ассоциацию с похоронами, как это происходит в России.

– Неужели похороны? – и предложил Грише посмотреть.

Но то, что они увидели, обескуражило их. Это был небольшой магазин, у входа в который и стояли венки. Гриша тоже не знал, для чего они здесь. Впечатлённые этой картиной, свернули на другую улицу и вскоре подошли к большому зданию с вывеской банка. Каково же было их удивление, когда зашли внутрь! В просторном холле, сразу у входа, тоже стояли два огромных венка с изображением колосьев риса. Они начали понимать, что такие венки означают что-то другое, никак не связанное со смертью человека. Для Самели это было очередное потрясение, заставившего его изменить привычное мышление. Они поменяли доллары на корейские вонны и вышли из банка. Решили прогуляться по городу. Пройдя от банка метров десять, решили перейти на другую сторону улицы. И вдруг увидели двух полицейских. Один из них положил какой-то лист бумаги на лобовое стекло припаркованного автомобиля, придавив листочек стеклоочистителем. Второй же, с любопытством смотрел на них, переходящих улицу. Страх овладел ими от пронизательного взгляда полицейского:

– Сейчас он проверит паспорта и увидит, что они нелегалы.

Не желая такого развития событий, Самели поздоровался с ними по-корейски:

– Анёнг хасеё, – и чуть поклонился. Гриша, вслед за ним, тоже произнёс с поклоном:

– Анёнг хасеё!

Это единственное, что они вспомнили сейчас, ежедневно слыша такое приветствие от корейцев. Услышав от иностранцев корейское приветствие, второй полицейский поднял голову и с удивлением посмотрел на них. После чего, оба ответили на приветствие:

– Анёнг хасеё! – и продолжили заниматься своей работой.

Самели с Гришей ещё не знали, что полицейского в Корее не надо бояться, если ты не совершил никакого преступления. И что иммигрантами и проверкой их документов занимается совершенно другая служба – иммиграционная. Это не в России, где милиция, ставшая потом полицией, по поводу и без повода, может проверить документы у любого человека, показавшегося им подозрительным.

Несмотря на благополучно прошедшую встречу с полицейскими, они решили больше не рисковать с такими прогулками и повернули к остановке автобуса. Приехав в Ёнин, зашли в продуктовый супермаркет и набрали продуктов, которые были им знакомы – корейское печенье «Чокопай», натуральный апельсиновый сок и молоко с булочками. Пешком поднялись по горной дороге, в свою кисуксу.

Первая корейская заработная плата укрепила упавший моральный дух Лёни и Самели. И они решили поработать ещё, пока завод не выполнит заказ. Здесь, на корейском заводе, их работа считалась как неквалифицированный труд. И оплачивался этот труд соответственно. Но для них это была хорошая оплата, превышающая даже зарплату Самели, работавшего мастером на судостроительном заводе, в три с лишним раза. При этом их кормили три раза в день, совершенно бесплатно, вернее, за счёт завода, но с заработной платы не высчитывали. За проживание они тоже не платили, всё оплачивал завод. Корея, наверное, единственная страна в мире, где капиталист-владелец любого предприятия предоставляет проживание и питание за счёт своего предприятия, совершенно бесплатно. В Советском Союзе, даже при социализме, такого никогда не было. Конечно же, такой капитализм никогда не станет загнивающим, каким его продолжают критиковать «народные избранники» на всех уровнях власти в России. А сами при этом стремятся уехать в этот капитализм и туда же отправляют своих детей и внуков на учёбу и дальнейшую жизнь.

И капитализм продолжает наращивать своё динамичное развитие, увеличивая и без того, внушительный разрыв по экономическому и социальному развитию с «развивающейся» Россией. А по уровню жизни населения, отставание по сравнению с капитализмом просто колоссальное. Когда Самели с Леонидом приехали в 2003 году на работу в Корею, уровень жизни её населения составлял чуть больше десяти тысяч долларов в год на каждого человека. Россия же, по данным Всемирного Банка занимала 97 место в мире по доходам на душу населения. Но при этом занимала 16 место в мире по росту валового выпуска продукции (ВВП). Самое парадоксальное в этом и заключается, именно от ВВП в номинальном выражении рассчитывается доход на душу населения. Находясь в двадцатке ведущих государств по выпуску валовой продукции, Россия при этом находилась на уровне латиноамериканских стран по доходам на душу населения.

Доходы от сырьевой экономики – нефти, газа и леса – главных составляющих ВВП, распределялись в основном, среди олигархов, поделивших между собой общенародную собственность в 90 – е годы, с согласия президента Ельцина и слившихся с ними высших эшелонов власти. Россия только в 2018 году достигла этого корейского показателя, поднявшись на 62 место в мире с доходом на душу населения 11289 долларов по данным того же, Всемирного Банка. За эти же, прошедшие 15 лет, Корея в три с лишним раза, увеличила свой доход на душу населения за счёт непрерывного роста ВВП. Уже в 2017 году Южная Корея стала членом клуба «3050», куда входят страны с населением более 50-и миллионов человек и доходами на душу населения выше \$30 тысяч. Доход на душу населения в Южной Корее составил в 2017 году \$31700. В России же, самый высокий уровень жизни был в Москве, где среднемесячная зарплата колебалась от полуторы до двух тысяч долларов в 2003 году. В провинции не более двухсот-трёхсот долларов в месяц, которые ещё и не выплачивались месяцами. Сравнить было нечего, треть населения России находилась за чертой бедности, оставаясь там, на долгие десятилетия путинского режима. Население России продолжало стремительно убывать, смертность превышала рождаемость. Такое отсутствие развития страны российские политики и властные чиновники умудрялись называть ростом, неважно, что отрицательным, они на себе не ощущали ни роста, ни падения экономики. Отрабатывая тем самым, свои высокие заработные платы и гонорары, щедро выдаваемые правительством и президентом.

Приближались майские праздники. В Корее их тоже празднуют, но по-другому. Первое мая называют Днём труда, почти как в Советском Союзе, где называли его более возвышенно – Днём международной солидарности трудящихся. И также как было в СССР, первые два дня мая в Корее считаются выходными днями. А пятого мая наступает День детей, тоже не рабочий день.

Незадолго до наступления праздников всем работникам завода раздали каталоги корейских товаров с их фотографиями. Предложили каждому выбрать любой из них. Узбек – переводчик Икрум объяснил, что завод на праздники подарит всем бесплатно, выбранные ими подарки. Самели выбрал то, чего не было в России, корейский электрический матрац. Но это был не простой матрац. В него были вшиты круглые и прямоугольные камни-минералы, оказывающие лечебное воздействие на организм. Такой матрац считался уникальным даже в Корее и стоил он дорого – двести долларов. Матрац, снабжённый терморегулятором, согревал, оказывал магнитное воздействие, массировал суставы и мышцы. Кто-то выбрал навороченный велосипед, каких в России ещё не было. Лёня тоже выбрал матрац.

Было весело, когда получив подарки, они через месяц пошли на почту, чтобы отправить их домой. Думали, что скрутят матрацы рулонами и в таком виде отправят. Но почта приятно удивила их. Весь персонал так обрадовался им, что девушка-оператор, в короткой юбочке, вышла в зал и стала показывать, как правильно свернуть матрац, чтобы он поместился в самом большом, чёрном посылочном пакете. Такого в российских почтовых отделениях не увидишь!

Все почтовые работники стремились помочь им упаковать матрасы. Атмосфера была очень доброжелательная! Им подробно объяснили, сколько дней посылка будет идти в Корею и когда, примерно, придёт домой. Как сказали, так и вышло, к тому же ещё и сообщения пришли им по телефону, когда посылки покинули Корею. Такого радушного обслуживания никто из них не ожидал. На майские праздники завод не работал, как и большинство предприятий и учреждений в стране. Первого мая всех вывезли на спортивные площадки.

Директор завода пообещал рабочим-мигрантам, что научит их играть в бейсбол. В Корее, школьники 7—9 классов, обязательно учатся играть в бейсбол, а в старших классах изучают и играют в гольф. Корейцы расставили Самели и других мигрантов, пожелавших научиться этой игре, на площадке и игра началась. Лёня не захотел и остался зрителем. Бейсбол чем-то напомнил Самели старинную русскую игру в лапту. Только вместо лапты и деревянного «чижика» здесь были бита и мячик. С первого раза понять было трудно и им просто показывали, как бить по мячу и сколько раз. И куда бежать после удара, пока мячик не окажется в руках противника.

Игра показалась ему скучной, и он не доиграл её до конца. Зато в волейбол они с Лёней играли с азартом за команду иностранцев, но корейцы оказались сильнее и выиграли. Спортивные состязания закончились обильным угощением морепродуктами, которых дома они и не видели у себя на столе. На День детей, всех работников завода опять вывезли на праздничный отдых. Все расположились за накрытыми столами в павильонах, хорошо закрывающих от солнца. Русские и узбеки, вместе с переводчиком, поместились в одном павильоне.

Они ели мясные блюда, салаты, пили корейскую водку, пиво, общались и фотографировались. Было весело и приятно. Корейцы заказали в этот день чёрного поросёнка и сами зажарили его, целиком на вертеле, как древние индейцы. Пригласили и русских с узбеками отведать, но большинство остались сидеть за столом. Самели из любопытства пошёл посмотреть на чёрного поросёнка, уже обжаренного, но есть отказался. А зря! Позже они узнали, что кушать чёрного поросёнка – это большая оказанная честь! Это деликатес из всех поросят и конечно, надо было попробовать такое мясо. Корейцы тоже не понимали их – как можно отказываться от такого деликатеса?

После обильного застолья всех пригласили играть в футбол на большом футбольном поле. Разбились на две команды – корейцы против иностранцев. Корейцы и здесь выиграли со счётом 2:0. Тогда директор завода, неплохо игравший в футбол, перешёл в команду иностранцев и сразу же забил гол. Потом ещё один и в итоге получилась ничья. Тогда решили бить пенальти. Самели поставили на ворота, так как второй тайм стоял на них. А когда он кошачьим броском прыгнул на летевший мяч, с трибуны раздался громкий крик:

– Яшин, Яшин!

Удивлённый, что кто-то громко сравнил его с известным футбольным вратарём Советского Союза, Самели посмотрел на трибуну и увидел производственного мастера, продолжавшего выкрикивать фамилию знаменитого в прошлом, Льва Яшина. Нашего знаменитого вратаря знал весь мир. Знали его и корейцы. До его мастерства Самели было конечно, далеко. Яшин из него не получился. Победную точку в корейской команде поставил пушечный удар самого огромного корейца, работавшего механиком. Самели даже не успел среагировать на мяч. А если бы успел прыгнуть на него, то наверняка влетел бы вместе с мячом в ворота от такого мощного пенальти. Всё было хорошо.

Озадачило и поставило в неудобное положение русскоязычных мигрантов лишь одно событие. Пустые бутылки, из-под рисовой водки (соджика), они выбрасывали по русской привычке, в траву. В Корее так не делают. Весь мусор после себя здесь собирают в пакеты и увозят с собой, чтобы выбросить в мусорные контейнеры. Которых везде установлено, как минимум, по три штуки: для бумажного мусора, пластика и стекла. Контейнеры подписаны. Узбекам

и русским стало стыдно, когда директор завода подошёл к их столику и молча стал собирать в чёрный пакет, выброшенные ими, пустые бутылки.

Урок, который он преподавал, запомнился им на всю жизнь. Праздники закончились, начались рабочие будни. Но работать после такого отдыха стало легче. Выматывали лишь овертаймы после ночи. Как-то утром, в один из таких овертаймов, они скребли лопатами крышки форм, очищая их от налипшего и застывшего бетонного раствора. Самели бил штыковой лопатой из последних сил по раствору и в это время к нему подошёл директор и стал наблюдать за их работой. Самели боялся только одного, чтобы лопата не выпала из рук, так как пальцы плохо слушались. Сил не было даже держать лопату, но тактичный директор ничего не сказал и так же молча ушёл. Вообще, отношение к иностранным рабочим со стороны всех корейцев было очень доброжелательное. Корейцы очень общительны и откровенны, всегда говорят то, что есть на самом деле. Могут до бесконечности показывать, как правильно и быстро надо работать. При этом не выказывали никакого раздражения. У русскоязычных рабочих сложилось впечатление, что им наоборот, очень нравится учить их всему, что они делают не так или делают не так быстро как корейцы. В такой атмосфере работать было очень приятно.

Самели, вслед за всей бригадой даже освоил автопогрузчик. Им вывозились отходы на отвал, в конце смены. И чуть не совершил аварию! Насмотревшись на узбеков, лихо мчащихся на погрузчике, Самели решил также выехать из цеха с бадьёй мусора. Но на повороте не сбросил газ, а руль резко повернул влево. Передние колёса у погрузчика были намного меньше, чем задние. И его понесло на полном ходу в левую сторону, к заводскому офису, возле которого стояла легковая машина «Хёндей Аван-те», заместителя директора завода. И он как раз, в это время, вышел из офиса с бумажным стаканчиком кофе в руках. Который чуть не выпал у него из рук, при виде автопогрузчика, несущегося на полной скорости к его машине. Каким-то чудом, Самели успел затормозить, в нескольких сантиметрах от машины. Было не по себе, ведь он мог проткнуть машину торчащими «рогами» погрузчика. Но какие же они тактичные! Заместитель директора лишь покачал неодобрительно головой за такое лихачество и не сказал ни слова. В России бы, маты неслись уже со всех сторон, даже, если бы ничего не случилось. Для Самели это стало ещё одним наглядным уроком правильного воспитания и такта корейцев.

В июне, в Корею лето в разгаре. От жары спасали напольные вентиляторы, установленные на каждом рабочем месте. А в конце месяца пошли ливневые дожди, которые быстро проходили, оставляя озонированный воздух и высокую влажность. Весь месяц завод напряжённо работал, обеспечивая ежедневно овертаймами, включая выходные дни, всех желающих подрабывать. Было очень тяжело, и Лёня снова засобирился домой. Как ни уговаривал его Самели остаться до выполнения заказа, Лёня никак не соглашался.

– Не могу, сил больше нет, – оправдывался в ответ.

Самели и жалко было его и в то же время, не хотелось терять земляка. Жалко было, потому что почти ежедневно, в обеденный перерыв, когда они все отдыхали, корейский бригадир всегда просил Лёню поработать. Чтобы он заранее наготовил сеток для безостановочной работы завода после обеда. Лёня выдержал бы такую нагрузку, если бы не пил по вечерам корейский соджик в кисуксе-общезитии. Их проживало больше двадцати человек и всегда кто-нибудь выпивал по вечерам, после работы. И Лёню всегда угощали, а он не отказывался. Никакой организм в пятьдесят лет этого не выдержит долго. А в июне ему, как раз исполнялось пятьдесят лет.

– Июнь доработаю и поеду домой, – принял он окончательное решение после продолжительных уговоров своего земляка.

Самели с упоением готовился к юбилею друга! Это был первый день рождения в Корею, который они решили отметить в кисуксе с размахом. В самушине (офисе) он выпросил большой лист плотной бумаги с каким-то объявлением на корейском языке и красный фломастер.

На обратной стороне листа расписал фломастером стихотворное поздравление, которые сочинял сам в течение недели.

В день юбилея, девятнадцатого июня, после работы, накрыли прямо на полу приготовленные закуски, еду и корейскую водку в полуторалитровых пластмассовых бутылках. Узбек-переводчик Икрум подсказал, как надо свернуть свои матрасы по-корейски, чтобы на них же и сидеть. Лёня вышел на середину и Самели зачитал перед собравшимися русскими, узбеками и казахами поздравление, закончив его аплодисментами всех собравшихся. После чего свернул лист в виде древнего свитка и вручил его Лёне, который был растроган таким вниманием. Пиршество началось. Корейская водка показалась им слабой и они пили её по полстакана. Но её было столько много, что юбиляр допивал ещё на следующий день вместе с друзьями.

А сейчас они пили за юбиляра и пели песни под гитару вместе с Сергеем Филипповым из Ростова-на-Дону. У Лёни была старая закалка, до самой пенсии работал в одном из самых вредных цехов – малярном, на судостроительном заводе.

– Бывало, – рассказывал он, – не вылезает из тесного трюма, пока не покрасишь его. Зато потом, когда вылезали на свежий воздух, отдыхали по часу. В Корее же, надо было непрерывно работать на протяжении всей, двенадцатичасовой смены. И это уже требовало выносливости организма. Любой сбой, приводимый к ослаблению сил, исключал полноценную отдачу сил.

Был у них в смене молодой повар из Владивостока, приехавший в Корею на заработки, и ошалевший, от дешёвой корейской водки. Имея слабость к ней, пил каждый день, даже на работе. А ведь поначалу, он даже освоил станок с программным управлением по изготовлению арматурных сеток. И работал настолько хорошо, что директор завода сам предложил ему заключить рабочий контракт. Не захотел Вова никакого контракта, продолжая пить так, что начал делать прогулы, будучи не в состоянии выйти на работу.

Иной раз, пьяный оставался ночевать в бытовке на заводе, не мог даже дойти до кисуксы. Это корейцы уже не любят. И закончил трагически – пил как-то весь день один, водка кончилась, пьяный, сел на только что купленный мокик, и поехал в магазин. Дорога была горная, спускалась вниз и на повороте он вылетел из-под моста, навстречу грузовому мерседесу, перевозившего бетонные столбы с завода. В последний момент, как он сам рассказывал, успел направить свой мокик под откос дороги, чтобы избежать столкновения.

Очнулся уже в больнице. Когда пришёл в кисуксу после больницы, на голове, из-под толстого слоя бинтов, видны были только глаза. Одна сломанная рука висела на перевязи. С завода его сразу уволили, и он уехал домой, не заработав ничего толком. Лёня же, был тружеником с молодости, любая работа в России была ему по плечу. Но в Корее и он сломался, продолжая вести такой же образ жизни, как в России – день работать, а вечером пить водку, чуть ли не каждый день. Ни у кого организм не выдержит долго такой нагрузки.

По молодости Лёня отсидел в колонии пять лет. Как сам сказал, по своей глупости. Выпили с другом дома, решили сходить к знакомому за магнитофонными кассетами. На Октябрьском проспекте к ним пристали подростки, то ли пьяные, то ли уколотые чем-то.

– А у меня, – рассказывал Лёня, – всегда в кармане лежал перочинный ножичек. Я вижу, что нас сейчас собьют с ног и запинаят, достал этот ножичек и давай им размахивать вокруг. Ну и кого-то порезал, как потом выяснилось. Но мы вырвались из их окружения и убежали. Пришли к знакомому, взяли кассеты. Я остался, чтобы не нарваться на обратном пути на этих подростков. А друг захотел вернуться. Я его отговаривал, он нивкакую. Тогда, говорю ему уже, возвращайся другим путём, чтобы не попасться опять. Нет же, пошёл той же дорогой обратно. А там уже милиция и скорая помощь приехали.

Подростки сидели также на лавочке, и один из них увидел моего друга, возвращающегося с кассетами, сразу узнал его. Милиция тут же забрала его, и на первом допрос он сдал

друга. Поздно вечером в квартире у меня раздался звонок. Я был уже дома с женой и дочкой, открываю дверь – менты стоят:

– Вы, – спрашивают, – Белозёров Леонид?

– Да, – отвечаю.

– Соберитесь, – говорят, – Вас друг сдал.

– Я, – продолжал рассказывать Лёня, – уговорил их не забирать меня сейчас, пообещав прийти к восьми часам утра. Они видят, что нормальная семья, поверили мне и уехали. Утром, как и обещал, в восемь утра я уже стоял у ворот тюрьмы в районе улицы Пионерской. Дежурный надзиратель очень удивился, запуская его.

– Это, – говорит, – первый случай за всю историю, когда не арестованный сам пришёл в тюрьму.

Так у Лёни началась другая жизнь, после которой он не сломался, оставшись порядочным человеком. О той жизни напоминали лишь татуировки на груди и руках. На своём юбилее он разделся до пояса, показывая свои татуировки, и все вместе с Лёней, сфотографировались. А в конце июня директор выдал ему расчёт, и седьмого июля Лёня уехал домой. Обратный билет у него был также на паром. Если бы они и Лёня знали, что скоро их ждёт долгожданный отдых, да ещё с выездом на море, то Лёня, возможно бы и остался ещё. Но никто из них, даже переводчик-узбек, не догадывались о таком скором отдыхе. Завод досрочно выполнил все заказы к концу июля.

Было собрание, на котором директор поблагодарил всех за хорошую работу и подробно рассказал про предстоящий отдых. Который по-корейски называется «хюга», русскоязычные же, называли его «шуга». Большинство предприятий по всей стране в период с конца июля и начала августа прекращают работу. Всем работникам предоставляют оплачиваемый недельный отпуск. При желании, каждый может отдохнуть ещё неделю, но уже не оплачиваемую, за свой счёт. После «хюги» работа возобновляется. После собрания директор выдал каждому работнику ещё и бонусы в конвертах – денежное вознаграждение. Потом объявил, что все желающие – иностранные рабочие, вместе с корейскими работниками, поедут отдыхать на море. О таком отдыхе никто из них даже не мечтал!

Глава 4. Отдых на море

Самели решил приготовить к поездке на море. За день до отъезда съездил на рынок в Онян и купил светло-серые шорты и белые летние носки. Плетёнки на лето он купил ещё в мае. Возвращаясь с рынка, увидел на привокзальной площади двух русских женщин. Подошёл к ним и поздоровался. Они обрадовались ему, как родственнику. Оказались они землячками с ним, с одного города. Работали в Корее на сортировке мусора, но сейчас остались без работы. И сейчас ждут человека, обещавшего найти им работу.

– Может у вас на заводе есть для нас что-нибудь?

– Нет, у нас работа для мужчин и вакансий нет, – ответил Самели. Тут подошла молоденькая девушка азиатской внешности, но говорившая по-русски. Её и ждали женщины.

– Есть одна работа, надо обговорить, – заявила с ходу Наташа, оказавшаяся работодателем, приехавшим из Казахстана.

– Вы не накормите, а то у нас денег нет, даже на еду? – попросили женщины, обращаясь к Наташе и Самели.

– Я знаю здесь недалеко, небольшой шиктан, пойдёмте, там и поговорим, – энергично заявила Наташа.

– Я заплачу за вас, – обнадёжил землячек Самели.

У него оставалось двадцать тысяч вон (двадцать долларов) для поездки на море, но ещё надо было забрать готовые фотографии. В шиктане заказ сделала Наташа вместе с Самели.

– Есть работа на теплицах, будете собирать огурцы, поедете? – спросила она и назвала зарплату.

У женщин не было выбора, и они согласились, благо работа находилась недалеко от Оняна. После ужина они поблагодарили Самели и ушли вместе с Наташей, тоже оплатившей их ужин вместе с Самели. Уже стемнело, когда он зашёл в фотоателье. К своему удивлению встретил там ещё одну русскую женщину, к тому же знакомую. Самели поздоровался с ней и заплатил за свои фотографии. Она тоже держала в руках пачку готовых фотографий, но уходить не спешила.

– Самели, – неожиданно обратилась она к нему, – у меня нет денег, чтобы оплатить фотографии, выручи, пожалуйста, потом верну.

А у Самели оставалось лишь десять тысяч вон, которые предназначались для поездки на море. И тратить их на любовницу Сергея, тоже работавшего на бетонном заводе, он не желал.

– Сегодня день благотворительности, что ли, – с досадой подумал про себя, а вслух ответил подруге:

– К сожалению, Галя, ничем не могу помочь, завтра мы едем на море и я потратился на одежду. У меня остался всего манон, а на море деньги тоже понадобятся.

Но ей было всё равно, что он поедет без денег и гнула своё:

– Ты же там не один будешь, у кого-нибудь займёшь. Её наглости Самели давно уже перестал удивляться. Мало того, что её фотографии стоили около семи тысяч вон, так ещё и советует ему перезанять, чтобы дать ей деньги.

– Нет, не могу, сдерживаясь, повторил он и вышел.

Месяц назад Сергей, атлетически сложенный парень из Москвы, где-то познакомился с ней, и все выходные проводил, гуляя на пару. Набравшись наглости, она приехала как-то в рабочий день и стала искать Сергея по всему заводу, вызывая недоумённые взгляды и разговоры среди корейцев. Сергей отвёл её в будку, где отдыхал водитель погрузчика столбов и договорился с ним, чтобы она осталась там на ночь. Ночь они провели там, а утром кое-как проводил её, сам же пошёл на работу. До этого случая, Самели ходил один раз с Сергеем и его другом в пивбар и хорошо там посидели. Но расплачиваться пришлось Самели, у них

денег не оказалось. Друг отдал быстро, а Сергей тянул целый месяц с отдачей. Сначала просил подождать до полочки, потом другие причины стал придумывать, вроде такой:

– Вечером нельзя отдавать деньги, – плохая примета.

– А ты их клади на деревянный пол и всё будет нормально, примета не сбудется, – парировал Самели его доводы.

В общем, трудный на отдачу, был человек. Кое-как Самели дождался от него возвращения долга. Его любовница Галя, что просила сейчас у него денег, тоже была всегда без них, несмотря на то, что работала, как и Сергей. В день отъезда, радостные и нарядные, собрались они на заводе. Самели выглядел стильно в белой футболке, светло-серых шортах и светло-серых плетёнках с белыми носочками. Толика привёз, по пути на завод, корейский бригадир на своём мотоцикле. Был он одет в белую футболку и белые брюки. А когда слезал с мотоцикла, то умудрился замарать брюки чёрной смазкой. Пришлось возвратиться в кисуксу, где он переделал брюки и вернулся уже пешком. Из корейцев были, в основном, мужчины. Довольные, все уселись в микроавтобус, корейцы в свои машины, и поехали на море. Куда прибыли через два с половиной часа.

На побережье стояли корпуса, в которых для них, уже были заказаны комнаты. А вдоль побережья стояло множество палаток отдыхающих корейцев, приехавших на своих машинах. Корпуса для отдыхающих располагались так, что образовывали внутренний дворик внушительных размеров. Устроившись и пообедав в шиктане, заранее оплаченным директором, все пошли купаться на море.

Это было северо-западное побережье Жёлтого моря, на котором никто из них не был. Песчаный пляж назывался Малипо. Самели вместе с Антоном из Находки и Гришей с Новочеркасска, разделись на берегу, поближе к воде и стоя под жарким солнцем, созерцали красивый морской пейзаж. Внезапно, проходившая мимо женщина стала что-то им встревоженно говорить, показывая при этом руками то на море, то на переносную сумку Самели, лежавшую на песке вместе с одеждой. Повторяя при этом несколько раз слово «кабан».

Они крутили головами, но никакого кабана не видели. Корейка, видя, что они не понимают, не уходила, но продолжала показывать на воду и сумку с одеждой. И только сейчас они увидели, что морская вода каким-то образом приблизилась к сумке и одежде.

Более того, одна из волн на их глазах накатила на сумку. Это начинался прилив, о котором они не знали. Спасибо настойчивой корейке, которая не уходила от них, пока до них не дошло. Они собрали одежду, сумку и унесли далеко на берег, не зная, насколько приливные волны закроют песок. Так они узнали ещё одно корейское слово «кабан», означающее сумку. Весь день они купались, загорали.

Корейцы привезли с собой волейбольный мяч, и теперь все они, с удовольствием играли в «картошку». Эта игра знакома, оказывается всем – и иностранцам и корейцам. А вечером директор устроил для них праздник по-русски. Привёз ящик корейской водки, мяса для жарки и древесный уголь. Оказывается, у одного из русских был день рождения, совпавший с днём приезда на море, и переводчик Икрум сказал об этом директору. И тот расщедрился и решил сделать приятный подарок, организовав сабантуй, за что все были благодарны ему. Русские, узбеки и корейцы расположились в центре внутреннего дворика, разожгли угли и начали жарить мясо в большой жаровне. Сергей Филиппов захватил с собой гитару и уже настраивал её.

Весь вечер они пили водку, ели мясо и до глубокой ночи хором пели русские песни под гитару. Водки было так много, что Самели плескал её на затухающие угли для поддержания жара, за что получил неодобрение от соотечественников. Водка, хоть и рисовая и не сорок градусов, но своё дело сделала. Самели запянул и начал подкалывать именинника, что нахалству празднует свой день рождения. Именинник Сергей был невысокого роста, но коренастый, атлетически сложенный, с выпирающими мышцами на руках. Долго слушать Самели он не стал,

вызвал его поговорить без свидетелей. А когда вышли, то потребовал от него прекратить эти пьяные высказывания.

Самели возомнил себя супергероем и грубо возразил ему. Тот, не выдержав, схватил его за горло одной рукой и стал сжимать с такой силой, что Самели начал задыхаться. Второй же рукой завалил его на землю, не отпуская руки от горла. Самели уже не мог говорить, лишь колотил рукой об землю, умоляя отпустить. Вышедший вслед за ними Миша из Казахстана, попросил Сергея отпустить задыхающегося Самели. Они ушли, а Самели ещё какое-то время продолжал лежать, приходя в себя. Наконец встал, отряхнулся от земли и травы и вернулся во двор. Корейцы, если и догадывались, зачем они выходили, то ничем не выказали своего отношения. Да и все уже расходились. Утром вся гулявшая компания вновь удивила директора.

Он задержался на завтрак, а они уже сидели за накрытым столом и первым делом, затребовали выставить водку и пиво. Хозяйка шиктана что-то стала говорить про оплату, но они дружно заверили её, что всё будет оплачено. В общем, до прихода директора, она дважды выставляла на стол водку и пиво по их просьбе. После вчерашней гулянки, они пили всё так, как будто это была вода. Наступало похмелье, и они запросили добавки в третий раз. Но в это время пришёл директор и, остолебнев от их разгула, в ужасе замахал на хозяйку руками, требуя прекратить ставить спиртное на стол. Такие расходы на спиртное, начиная с первого дня, им не планировались.

Эти иностранцы, вместе с корейцами, выпили весь лимит спиртного в первые два дня отдыха. Все последующие дни завтраки и обеды проходили без спиртного. Если кто хотел сильно, покупал уже на свои деньги. Но большинство русскоязычных денег с собой взяли мало, полагая, что обеды будут для них бесплатными и со спиртным.

В остальном же отдых был прекрасным! Морской воздух, приливы и отливы, белоснежный песок, караоке, мангалы с морепродуктами – всё это впечатляло и радовало. А какое прекрасное море было по вечерам! Красочная подсветка всего песчаного пляжа, шум моря, набегающие на песок волны, множество отдыхающих и веселящихся людей наполняли всех глубокими романтическими впечатлениями.

В один из таких тёплых вечеров они даже сыграли в футбол с пакистанцами, приехавшими тоже на отдых. И даже выиграли у них, уговорив их проставить хорошее корейское пиво «Хайты» в знак дружбы. Днём играли в волейбол, «картошку», купались. А по вечерам гуляли по побережью, слушали и смотрели, как корейцы поют песни в открытых павильонах караоке. Отдых был замечательным!

Глава 5. Легализация

Возвратившись с моря, все работали с удвоенной силой, правда, недолго. Заказ был небольшим и завод быстро его выполнил. Работы временно не было. И директор решил в этот период, легализовать иностранных рабочих, согласно закону, подписанным президентом Южной Кореи, Но Му Ёном. Их всех повезли в иммиграционный офис, в Чхонан. Там проверили по дате заезда.

Под указ о легализации попадали лишь те работники, которые заехали в Корею не позднее 31 марта 2003 года. Всех быстро проверили, а Самели долго не могли найти по компьютеру. Оказалось, что неправильно занесли в базу данных номер его паспорта – две цифры не совпали. По окончании проверки всех повезли ещё дальше – в головной офис иммиграционной службы, в город Тэджон. Там каждого из них, заставили сфотографироваться на айди-кады, которые и выдали с отметкой о легализации на один год. Русские и узбеки попали под закон о легализации, сроком на три года. Спасибо директору завода, который взялся за оформление легализации своим мигрантам. На многих частных предприятиях небольших компаний, их владельцы не оформляли визы своим иностранным рабочим, хотя по закону можно было оформить. В конце августа, у прошедших легализацию русских и узбеков, были уже на руках айди-кады, с рабочей визой E-9, обозначающей неквалифицированный труд мигрантов.

Рабочую визу дали на год, ежегодно работодатель мог продлевать её всем мигрантам, если они нормально работали. Особых слов заслуживает решение одного из самых человечных президентов Южной Кореи, Но Му Ёна о принятии закона о легализации трудовых мигрантов. Сказанные им слова, про трудовых мигрантов-нелегалов, внёсших весомый вклад в экономику страны, – «их семьи тоже кушать хотят» – вызвали у всех мигрантов тёплые чувства благодарности и глубокого уважения к стране и её народу во главе с президентом. Чуть позже Корея перейдёт на приглашения иностранных рабочих по выделяемым квотам рабочих виз для каждой страны, подписавшей такое соглашение на правительственном уровне.

И только Россия, в лице избранного президента Путина В. В., отказалась подписывать такое соглашение. Президент заявил, что в России работы хватает. В реальности же половина трудоспособного населения работала, не получая по несколько месяцев зарплату, для остальной половины работы не было вообще. Более того, когда Но Му Ён спросил Путина В. В.:

– Что тогда делать с русскими, работающими в Корее?

Российский президент, не задумываясь, ответил:

– Гоните их домой.

Корейские президенты – Ким Ён Сам, открывший Корею для русских, и следующий президент Ким Дэ Чжун – принявший закон о первой легализации трудовых мигрантов в стране, и продолжатель такой же политики Но Му Ён – принявший закон о второй легализации трудовых мигрантов, – все они думали не только о своих рабочих, но и об иностранных, усердно помогающих развивать экономику страны совместно с корейцами. В августе они работали неполный месяц, но заработную плату получили почти, как за месяц. Как можно не уважать и не любить такую страну, таких президентов и руководителей компаний за глубокое уважение рабочего труда.

Глава 6. Чусок и Сольляль

В сентябре вся Корея праздновала один из главных национальных праздников «Чусок» – День Благодарения. В этот праздник люди благодарят богов и духов за выращенный и убранный урожай.

В первый день, до обеда, необходимо принести дары в виде еды и фруктов на могилы своих предков, в знак благодарности их духам за помощь и участие в семейном труде. Корейцы верят, что духи умерших предков, вплоть до четвёртого колена, помогают им на протяжении всей жизни. Принеся дары к месту захоронения, их потомки совершают обряд поминовения. Они верят, что могут жить счастливо, благодаря заботе усопших предков. Во второй день гуляют дома в семейном кругу, а в третий – ходят в гости. Самели с узбеком Толей, на «Чусок» отправились искать улицу «красных фонарей» в Оняне.

– Они в каждом городе есть, – говорил Толя, ссылаясь на своих земляков, давно работающих в Корее. Быстро нашли, правда не улицу, а целый квартал, сияющий красными фонарями. Но первый их поход закончился их же посмешищем. Самели знал некоторые слова и спросил стоимость одного часа с девушкой у первого же, стеклянного аквариума, внутри которого сидела стайка молодые красавиц.

Хозяйка предложила сначала выбрать их. Они с Толиком выбрали и показали хозяйке. Она назвала цену одного часа, а Самели неправильно понял и вместо двухсот тысяч вон в час, перевёл Толику двадцать тысяч вон (около двадцати долларов). Тот обрадовался, что недорого, Самели тоже был рад. Они начали уже снимать куртки, раздеваясь, но хозяйка попросила сначала деньги. Когда они отсчитали ей сорок тысяч вон, она посмотрела на них взглядом, как на не понимающих детей и, сдерживая смех, громко повторила им:

– И шиб манон! (двести тысяч вон!)

А не двадцать, как ошибочно определил Самели. У них таких денег не было, да и не стали бы за такую сумму, пользоваться их услугами. Самели объяснил Толику, что ошибся в деньгах. В полном смятении и растерянности они показали хозяйке жестами свой отказ и быстро стали одеваться. Их разговор с хозяйкой слышала вся улица и аквариумы «красных фонарей» буквально сотрясались от весёлого смеха девушек. Те же, которые не слышали, но догадывались, светились улыбками, пока они шли мимо. Вся улица провожала их разве-селившимся лицами девушек, заставляя оконфузившихся мигрантов чуть ли не бегом покидать квартал. Им было стыдно за такую огласку конфуза и в дальнейшем, старались вечером не попадать на эту улицу. Но Толик не расстроился и предложил на завтра поехать в Сеул и там найти такой же квартал. Самели как Толику, давно уже хотелось секса, поэтому с радостью согласился.

– Поедем на Тондэмун, мне сказали адрес, – уверял он.

На другой день, после обеда, отправились на метро. Через час были на Тондэмуне. Толику земляки объяснили, где примерно искать улицу «красных фонарей», и он уверенно зашагал в нужном направлении. Но быстро найти не получилось. Неунывающий Толик упорно обходил улицу за улицей, ведя за собой Самели. Наконец вышли на какой-то пустынный дворик:

– Здесь, но почему-то никого нет, – недоумевал он.

На всякий случай постучал в дверь, за которой не было слышно ни звука. Никто не ответил. Толик постучал ещё раз. Они уже собирались уходить, как услышали шорох и дверь открылась. На пороге стояла старенькая бабушка. Полагая, что это хозяйка, Толик спросил:

– Агаши (девушка) есть?

Ничего не говоря, она пригласила их войти в дом. А когда они зашли в небольшую комнату, ответила:

– Все девушки в праздник отдыхают, никто не работает.

На их разговор из-за печки вышла моложавая женщина. На их взгляд, ей было не больше сорока лет. Для них она выглядела девушкой.

– А это кто с Вами? – обрадовавшись девушке, спросили они.

– Это моя дочь, ответила бабушка и о чём-то начала с ней говорить. После не продолжительного разговора с дочерью, хозяйка сказала, указывая жестом на неё:

– Она согласна оказать вам услуги за сорок тысяч вон с одного. Толик отказался, посчитав слишком дорого для себя, он рассчитывал на более дешёвый вариант. А Самели согласился и, достав деньги, сразу рассчитался с бабушкой. После чего девушка повела его куда-то вниз, по каменным ступенькам. Спустившись, они оказались перед дверью. Она открыла её, и они зашли в уютную комнату, залитую красным светом. На полу лежала приготовленная постель.

Романтичный Самели, в предвкушении секса, начал приходить в возбуждение от такой, располагающей обстановки. Они разделись, и она, немного помассировав его возбуждённый пенис, легла на матрац, откинув одеяло, и чуть раздвинув ноги. Держа в руках приготовленный кондом, надела ему на пенис. Самели, лёжа сверху, жадно обнимал её тело, одновременно входя в неё. Обхватив рукой его член, она помогла войти в неё. Самели ощутил тепло её лона и сладкую истому. Ладонями сжимал мягкие ягодицы в такт импульсным и страстным движениям своего тела, и раз за разом входил в её раскрывшееся, волосатое лоно. А когда наступил оргазм, его ладони в порыве страсти, со всей силы сжали её ягодицы. И сразу почувствовал такую сильную боль в пальцах, что дико закричал. Она же решила, что он кричит от удовольствия, и весело засмеялась. А у него перестали разгибаться пальцы, оставшись в согнутом положении, и он не мог оторвать их от её ягодиц.

Ему было и больно, и смешно от её неудержимого смеха. Случившееся с ним было следствием работы на пневмомолотке, на бетонном заводе. Когда всю смену пальцы находятся в сжатом состоянии, они перестают разгибаться. И теперь их просто заклинило в этом положении. Преодолевая боль, оторвал он ладони от её мягкой попки, и с усилием разогнул каждый палец в отдельности. Боль исчезла. Ей же, такой секс понравился так, что предложила себя ещё раз. Но Самели отказался. Тогда она предложила оральный секс и всего за манон (десять тысяч вон). Поблагодарив он отказался, желания уже не было. Наверху бабушка спросила её:

– Что ты ему сделала, что он так кричал?

От её вопроса дочь охватил опять, такой приступ смеха, что не в силах была объяснить. Толик тоже был удивлён его криком и даже испугался за Самели. Когда же узнал причину, то смеялся как агаши. Вернувшись, после таких походов домой, обнаружили в кисуксе приятный сюрприз от завода – каждому из них купили и привезли праздничный набор сладостей в виде печенья и конфет, в красивых, празднично оформленных коробках. Самели даже открывать не стал, чтобы не повредить красоту коробки, – отправил после праздников посылкой домой – таких красивых подарков в России никто не получал. Осень в этот год стояла тёплая и солнечная, до самого Нового года снега не было. В декабре они опять работали не весь месяц – все заказы завод выполнил, а других ещё не было.

Проявив инициативу, решили навести порядок вокруг кисуксы и вдоль дороги к заводу. Убрали все поваленные и сухие деревья, ветки и мусор. Провели, по-русски говоря, субботник. К их большому удивлению, руководство завода высоко оценило такую добровольную работу, выдав им к празднику хорошие бонусы в конвертах. Ни русские, ни узбеки, этого не ожидали и были благодарны директору завода. С таким праздничным настроением они встречали Новый 2004 год в своей кисуксе. Узбеки, правда, разъехались по своим землякам – в Корею их было много. Остались все русские.

Самели с Пашей принесли сосновую ветвь из окружающего леса, вместо ёлки, и нарядили её, чем смогли. Остальные накрыли стол и праздник начался. Они ели, пили и дружно встретили наступление Нового года в полночь. Продолжали петь песни, танцевать и фотографировать.

фироваться. Ночью вышли на улицу и были восхищены яркой иллюминацией внизу, у авто-страды. Это светилась автозаправочная станция, откуда периодически взлетали в небо красочные фейерверки. Таким запомнился им первый Новый год, он же был и последним, который они встретили все вместе, находясь в Корее. К концу следующего года их останется лишь трое русских из почти шестнадцати человек, остальные будут узбеки. На корейский Новый год они снова были одни, но в этот раз тоже поехали путешествовать, кто куда.

Самели уехал в Сеул, разыскал там Гранд-парк и целый день провёл в этом огромном и красивом парке. Он впервые увидел тигров-альбиносов, жирафов, всех видов попугаев, певчих птиц, которых можно было покормить с ладошки. И завершалось это зрелище огромным питоном, с которым каждый желающий мог сфотографироваться на свой фотоаппарат или сотовый телефон. Самели очень хотел сфотографироваться, с питоном на плечах, но в его разовом фотоаппарате закончилась плёнка. А идти покупать другой фотоаппарат, было далеко. И он решил приехать сюда ещё раз, позже.

Ему удалось приехать лишь летом, но питона уже не было. Такие парки, в которых все дикие животные находились не в клетках, как в России – в зоопарках, а в естественных условиях – на воле, в огромных, огороженных территориях, как в дикой природе, он видел впервые и был впечатлён. У пернатых, больших птиц тоже была огромная куполообразная вольера, где они свободно летали. По территории парка курсировали мини-кабриолеты для туристов, никакой дополнительной платы не взималось. Можно было добраться до входа в парк на канатной дороге, оборудованной беседками, что и сделал Самели, так как наступал вечер. Гранд-парк находился на юге Сеула, и ему надо было возвращаться на метро до станции «Кирым». Там и переночевал в бане, находящейся у самого рынка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.